ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

9 '89

ПРОЦЕНТ ВЕЛИЧИЯ?

«...думал, думал, да ни с того, ни с другого заворотил в кабак...»

Н. В. Гоголь, «Мертвые души»

Алкогольная тема, столь горячо дискутировавшаяся в недалеком прошлом, сегодня практически исчезла с газетно-журнальных полос, уступив место более важным и острым социально-политическим вопросам. Но оправданно ли забвение, пусть даже временное, проблемы, десятилетиями мучающей, если не сказать терзающей наше общество? Давайте обратимся к мнению человека, уже не один год специально изучающего этот вопрос,— заведующего кафедрой статистики Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, доктора экономических наук, профессора Б. И. Искакова. Тем более что Борис Иванович в своих научных изысканиях утверждает: массовое и регулярное употребление алкоголя ведет народы нашей страны к генетической катастрофе.

КОРР.: Как вы пришли к столь удручающему выводу, профессор?

Б. И.: Начну с небольшого исторического экскурса. В прошлом веке французский психиатр Морель установил, что алкоголики вырождаются в четвертом поколении. Открытие Мореля было, я бы сказал, предчувствием социального закона, над обоснованием которого мы (я и мои коллеги) сейчас работаем и заключающегося в следующем. «Генетическая прочность» любого народа может быть, образно говоря, «спрессована» в три поколения. Если в течение этого периода на генофонд нации оказывается какое-либо достаточно интенсивное разрушающее воздействие, ей грозит генная деградация, а следовательно, и общий упадок. Однако за тот же срок, при особо благоприятных условиях, народ в состоянии подняться на вершину генетического здоровья, а значит, и социального процветания. Как в первом, так и во втором случае характер нации изменится до неузнаваемости. Разумеется, в стороны полярно противоположные. С такими же последствиями эти процессы при меньшей интенсивности разрушающих влияний могут происходить на протяжении жизни четырех и более поколений. А в случае сверхэкстремальных воздействий, по мнению, например, академика АМН СССР Ф. Г. Углова,— даже двух.

Прогресс и регресс общества протекают в прямой зависимости соответственно от богатства или бедности его генофонда. А точнее — от количественного соотношения больных и здоровых граждан. И если половина детей в стране рождается ослабленными и число их в следующих поколениях увеличивается, то налицо, на наш взгляд, подрыв генофонда.

КОРР.: Здесь у читателя, наверно, возникнет вопрос: что подразумевается, в частности, под термином «ослабленный» и вообще под понятием «здоровье»?

Б. И.: В соответствии с новейшими идеями, здоровье — это синтетическая категория, включающая в себя нравственную, интеллектуальную, психическую и соматическую (физиологическую) составляющие. При таком подходе не может считаться здоровым человек, имеющий, скажем, нравственную патологию, или ослабленный интеллект, или неустойчивую психику, наконец, хроническую болезнь либо физические дефекты. Во всех перечисленных случаях это ослабленный человек, не способный наравне со всеми полноценно выполнять свои социальные функции, как известно, стремительно усложняющиеся в наш век научно-технического прогресса.

КОРР.: Стало быть, по состоянию здоровья мы делимся на...

Б. И.: Пять групп. Такая классификация, на мой взгляд, представляется наиболее целесообразной.

Во-первых, здоровые. То есть те, у кого все параметры (медицинские, физиологические) в норме. Вторая группа — так называемые пограничные: предрасположенные к болезням, то есть со скрытыми дефектами в организме. Третья — хронически больные в стадии компенсации: организм приспособился к болезням. Четвертая — хроники с частичной компенсацией: организм ощущает изъян. Пятая — уже без компенсации плюс лица с физическими дефектами. Таким образом, все, кроме здоровых,— ослабленные. А третью, четвертую и пятую группы составляют так называемые маргиналы (замыкающие).

Обратимся к цифрам. Доля ослабленных (больных и предрасположенных к болезням) в Советском Союзе уже превысила упомянутую половину. Она составляет, по оценкам различных ученых, от 53 до 60 процентов. А в Москве, по данным ВНИИ гигиены детей и подростков Минздрава СССР, достигла 58—60 и более процентов. Среди детей и молодежи эта доля колеблется от 53 до 70 процентов (данные институтов ГКНО и Минздрава СССР). То есть выше, чем в целом по стране, что указывает на тенденцию к ухудшению генофонда нашего народа.

Увеличивается число учащихся с ослабленной мотивацией к учебе, а значит, с пониженным интеллектуальным потенциалом. Количество не сумевших до 18 лет получить дневное полное среднее образование возросло с 2/5 в начале 60-х годов до 3/5 в настоящее время.

К 14—17 годам каждый третий подросток страдает хронической патологией. Одних лишь отягощенных тяжелыми наследственными недугами в стране рождается до 100 тысяч ежегодно. Из 117 миллионов детей и молодежи до 24 лет — лишь 40—45 миллионов здоровых (первая группа). А из остальных 72—77 миллионов ослабленных: 30—40 миллионов — хронически больные и лица с физическими дефектами. Среди московских детей, родившихся на рубеже 70-х годов, ослабленные составили около 55 процентов. А среди появившихся на свет на рубеже 80-х — 70—90 процентов. Из них 20—25 — дебилы.

В целом по стране из 287 миллионов населения здоровая часть составляет всего 130—135 миллионов человек. Остальные 150—155 миллионов — ослабленные, среди которых 70—80 миллионов хронически больных и лиц с различными физическими и психическими дефектами. Скажем, количественный рост глухонемых сделал необходимым даже известную «модернизацию» программы «Время». По одним оценкам их 5 миллионов, по другим — 10, а в специальной литературе мне встречалась и цифра 17.

Все эти данные не являются ни ДСП («для служебного пользования»), ни НДП («не для печати»). Из публикаций институтов ГКНО и Минздрава СССР они потихоньку перекочевывают на страницы центральной прессы. Правда, основаны на приближенных оценках, ибо официальных исследований никто не проводил. А надо бы. Перед нами стоит срочная задача своего рода инвентаризации генофонда: ведь в нем заключена перспектива будущего всего общества.

КОРР.: Какими же причинами вызваны к жизни эти явления, обозначаемые вами столь жуткими цифрами и фактами?

Б. И.: На генофонд воздействует целый комплекс ослабляющих факторов. Таких, как: легальные наркотики (алко-

голь, никотин); нелегальные наркотики (соответственно все то, что принято называть наркотиками); промышленное загрязнение окружающей среды; различного рода стрессы; нерациональное питание; низкое качество медицинского обслуживания; сексуальное невежество; социально-экономические, бытовые и многие другие причины. Причем доля легальных наркотиков (главным образом алкоголя) в воздействии всех ослабляющих факторов на генофонд некоторыми учеными оценивается в... 98—99 процентов. Лично я придерживаюсь оценки академика Ф. Г. Углова — 90 процентов. Но даже если эта доля — 70 процентов (есть и такое мнение), все равно она будет решающей.

Итак, основным врагом генофонда нации, несомненно, является алкоголь. Достаточно обратиться к истории и вспомнить, что от него погибли целые цивилизации.

КОРР.: Я как-то слышал выражение: «Сходя с исторической арены, народ... спивается».

Б. И.: Я бы так не сказал, конечно. Мы не должны подходить категорично к столь многогранному вопросу. Однако, по логике вещей, именно из-за нерешенности социальных проблем энергия общества, не находя творческого выхода, обращается в саморазрушительные формы. И любое крупное социальное замешательство, как свидетельствует история, оборачивается алкоголизацией населения. И если кризис продолжается достаточно долгое время, может начаться «цепная» реакция ухудшения генофонда нации. Вплоть до вырождения ее на протяжении жизни всего нескольких поколений. Как и произошло, например, с античными народами, на территории проживания которых впоследствии сложились совершенно новые этносы. В том же контексте можно упомянуть и о печальной участи североамериканских индейцев.

Теперь давайте посмотрим, как шло затухание темпов экономического роста СССР и как происходила алкоголизация страны. С конца 40-х до начала 80-х годов алкопотребление у нас выросло в 7—8 раз! За тот же период темпы прироста валового национального продукта упали с 10 до 0,5, а производимого национального дохода — с 10 до 0 процентов. Взаимозависимость этих процессов представляется очевидной. Мы выдвинули концепцию трех коллапсов. Первый из них, **алконравственный**, характеризуется усилением в обществе тенденций к аморальности, бездуховности, иждивенчеству и так далее.

КОРР.: Извините, я перебью вас. У меня здесь возникают два замечания. Во-первых. Видимо, мы не должны путать алкоаморализацию с массовым безнравственным поведением людей под воздействием психологических факторов. К примеру, в эпоху террора доносить друг на друга подвигал граждан не алкоголь, а страх, идеологические деформации общественного сознания и тому подобное.

Б. И.: Несомненно. Алконравственный коллапс имеет сугубо физико-химическую природу. В его основе — органические нарушения, а не психические сдвиги.

КОРР.: А во-вторых, как мне кажется, говоря об алкоголизации общества **вообще**, нельзя забывать, что она охватывает определенные социальные слои **конкретно**. Поэтому алконравственные деформации первоначально характерны только для спивающейся части общества. А если в дальнейшем получают распространение во всей массе народа (через посредство генетических механизмов), то проявляются не раньше, чем сменится хотя бы одно поколение.

Б. И.: Согласен с вами.

Демогенетический же коллапс выражается в увеличении среди новорожденных числа маргиналов и вообще физически и психически ослабленных. А также в снижении творческого потенциала общества. И в этом смысле я бы рискнул сказать о начинающемся процессе его дебилизации. Даже наука (прямо по Свифту) опапутынивается. В ней уже возникают споры о том, с какого конца бить яйца. Создаются и осуществляются проекты, которые, мягко говоря, разумными назвать нельзя. И еще вот такой красноречивый факт: все Нобелевские премии, полученные советской наукой, были присуждены за работы, сделанные в период, предшествовавший бурной алкоголизации народа.

КОРР.: Позвольте тут с вами не согласиться. «Дебильные» проекты века рождаются, я думаю, по другим причинам, связанным главным образом с монополией министерств и ведомств на научную мысль. Почему-то, скажем, во Франции, где алкопотребление тоже довольно велико, не возникает проектов, подобных тем, какими печально знаменит Минводхоз.

Не наблюдается в этом развитом государстве и усиление тенденций к аморальности, бездуховности и т. п. По всей вероятности, в нем злоупотребляют спиртным в основном безработные, неустроенная молодежь, неудачники и т. д. Но не производители, как у нас.

Что же касается советской научной интеллигенции, вряд ли ухудшение качества ее деятельности как-то связано с пьянством народа в 60-х, 70-х и 80-х годах: выросшее за это время поколение ученых «уходит генами» в довольно трезвый период нашей истории. Но очень даже может быть, что будущее советской науки уже сейчас находится под угрозой. Ведь биологически интеллигенция сама себя не воспроизводит. Крепкие генетические узы связывают ее со своим народом, из которого она вышла и выходит. Поэтому завтрашняя судьба наших наук и искусств зависит от сегодняшнего генетического здоровья всего общества.

Б. И.: Увы, уже нездоровья. И, как вы верно заметили, спивается в первую очередь та часть нашего народа, которая непосредственно создает материальные ценности.

Наша экономика алкозависима. И не только финансово, но и... «органически»: ведь на производстве заняты люди, у большинства из которых организм в той или иной степени «ориентирован» на алкоголь. Это уже **алкоэкономический** коллапс.

КОРР.: А в какой именно степени организм бывает, как вы сказали, «ориентирован» на алкоголь?

Б. И.: По отношению к спиртному люди делятся на пять категорий. Во-первых, это **трезвенники.** Во-вторых, **умеренные:** неалкозависимы даже подсознательно, индифферентны, выпивают несколько раз в году. В-третьих, **средние:** употребление от ежеквартального до полумесячного-месячного; неявная психологическая (подсознательная) алкозависимость. В-четвертых, **пьяницы:** от двухнедельного до полунедельного; явная психологическая алкозависимость. В-пятых, **алкоголики;** биохимическая алкозависимость. Последние две группы относятся к **алкоманам** — людям, имеющим патологическое влечение к спиртному. Так вот только алкоманов у нас 50—60 миллионов! Из них 15—20 — алкоголики. Цифры, дающие пищу не только для размышления, но и научного исследования.

Так, поразмыслив над ними, я взялся за разработку нового понятия, назвав его **демографический потенциал.** Это — количественное отношение неалкозависимой части данной нации к населению всей земли. Оценки показывают, что народ, у которого этот показатель составляет не менее одного процента,— великий. Точнее: уже великий или еще великий. Или же в состоянии стать великим. То есть таким, который может существенно влиять, как говорится, на судьбы мира, на ход истории.

По нашим расчетам, советский демопотенциал в период ленинской администрации был 5 процентов, при Сталине упал до трех, при Хрущеве — до двух, а при Брежневе — до полутора. Таким образом, у нас остался запас прочности всего в каких-нибудь полпроцента. Утратив их, мы перестанем быть великим народом и отойдем на второй план современной цивилизации.

КОРР.: Чарльз Дарвин писал о том, что расцвет цивилизации находится «в зависимости... от увеличения числа людей, одаренных высокими умственными и нравственными качествами, равно как и от степени их дарований». И наоборот: если в народе складывается «перевес беспечных, порочных и вообще худших членов общества над лучшим классом людей, то нация, очевидно, начнет регрессировать, как и случалось столько раз в истории мира».

Взять, положим, Древний Рим. Историки утверждают, что среди причин его гибели было и так называемое «искоренение лучших», к которому прибегали многие императоры. А по поводу того, что Испания, долгое время развивавшаяся на уровне других европейских государств, «вдруг» — на несколько веков — задержалась в развитии, тот же Дарвин предполагает, что это явилось следствием «усердий» испанской инквизиции. Охотившейся, как и всякая другая, «за мыслями».

И мне кажется, что корни советской алкопроблемы уходят в сталинскую эпоху. И первый мощный удар по генам нашего народа был нанесен репрессиями. Алкоголь бьет по уже ослабленному генофонду. При усугубляющем воздействии промышленного загрязнения окружающей среды.

В этой связи весьма примечателен следующий факт. Советские ученые провели на крысах эксперимент, показавший, что загрязненная атмосфера провоцирует живой организм к потреблению алкоголя. В нормальных условиях крысы предпочитали обычную воду смешанной со спир-

том. Помещенные же в загазованную камеру тянутся к «коктейлю».

Б. И.: Поэтому, думается, вполне резонно шире употреблять пока еще мало распространенный у нас термин — алкоэкологический кризис. И даже — алкоэкологическая катастрофа.

Но позвольте мне завершить вашу, так сказать, историческую параллель. Мы подняли статистику по Испании. Оказалось, что после своих великих открытий она испытала столь же великий рост алкопотребления. И уже после этого по ней прокатилась мощная волна инквизиции. А вскоре испанское государство стало играть лишь вторые роли в европейской истории. Как видим, в нашей стране временная последовательность воздействия упомянутых факторов (террора и пьянства) иная, однако результата следует ожидать того же. И есть все основания, чтобы тревожиться по этому поводу.

Из-за алкоголя у нас сейчас детей-сирот, одиноких женщин, вдов и разведенных больше, чем было после Великой Отечественной. Наиболее алкоугнетаемой республикой стала РСФСР — становой хребет державы. Смертность по алкопричинам в ней в 15 раз выше, чем, например, в Азербайджане, и в 53 раза, чем в Армении. Высокая алколетальность (смертность вследствие употребления алкоголя) также в прибалтийских республиках, Молдавии, Белоруссии, на Украине.

В деревнях Российской Федерации мужчины доживают в среднем лишь до 45—50 лет! И можно с полным правом утверждать, что в значительной степени из-за чрезмерного потребления спиртного. В ряде областей РСФСР наблюдается даже депопуляция, то есть вымирание населения.

КОРР.: Что же ждет наш народ, по вашему мнению, если перестройка не решит алкоэкологическую проблему?

Б. И.: За перспективами далеко ходить не надо. Достаточно взять в руки книгу «Психогигиена детей и подростков», выпущенную в свет издательством «Медицина» в 1985 году. Читателю преподносится теория так называемого стереотипа дебильной личности. Звучит устрашающе, не правда ли? Но взгляните, что в ней написано:

«Появились благоприятные возможности для постепенной адаптации дебильных граждан в условиях развитого социализма»;

«Дебильный гражданин, как культурный человек, воспринимает плодотворные традиции, обычаи и представления о жизни в социалистическом обществе»;

«уверенно чувствует себя в своем социалистическом отечестве. Выполняя несложные обязанности, он принимает посильное участие в социалистическом строительстве на работе и по месту жительства»;

«знает и уважает законы, постановления и другие нормативные акты»;

«участвует в защите мира, своего личного благополучия и социалистических завоеваний нашего народа»;

«Дебильный гражданин знаком с принципами гигиены»;

«Он разумно (!) организует досуг в соответствии со своими возможностями, поддерживает и укрепляет эмоциональные семейные связи, включая и удовлетворение эротических потребностей супругов»;

«он выполняет советы воспитателей своих детей, в необходимых случаях советуется с работниками консультационных пунктов и органов по работе с молодежью»;

«Дебильный учащийся приобретает знания, умения и навыки по программе профессионального обучения. Это дает ему квалификацию, позволяющую со знанием дела (!) работать по профессии, выполняя простые, главным образом ручные операции»;

«Социалистическое общество добьется того, чтобы ликвидировать предрассудки и ускорить социальную интеграцию физически и умственно неполноценных людей».

В последней цитате, в сущности, содержится призыв перевести дебила из статуса исключительного явления в статус массового гражданина. Правда, это будет гражданин типа манкурта, описанного Айтматовым.

КОРР.: Интеграция... манкуртов? Но это же фашизм! Точнее, его новая — алкогольная — разновидность.

И у нас уже есть ее зачатки — в лице тех же ЛТП, тех же нормативных актов, которыми руководствуется милиция в своей «борьбе» с пьянством (да ее ли это дело?) и в соответствии с которыми она самым беспардонным образом нарушает конституционное право неприкосновенности личности и жилища советских граждан. Стоит только «нажать кнопку» — и включается репрессивная машина, осуществляя на практике упомянутую теорию «стереотипа дебильной личности».

Б. И.: Думаю, до этого дело не дойдет. А вот до начальных проявлений генетической деградации народа, похоже, уже дошло. Поэтому я утверждал и утверждаю: нужны экстренные меры по отрезвлению общества.

КОРР.: Наш собственный опыт свидетельствует о том, что эти меры не должны исчерпываться сугубо запретительными.

Б. И.: Безусловно. Но, прежде чем высказаться по этому поводу, хочу обратить ваше внимание на одну примечательную деталь.

За последние полтора века крупнейшим социально-политическим прорывам России всегда предшествовали или же сопутствовали кампании по отрезвлению общества. В середине прошлого столетия это совпало с реформой 1861 года. Отрезвление начала века сопровождало революционное движение. Противоалкогольная политика 1919—1925 годов при всех трагических минусах последующей эпохи способствовала индустриализации и победе над фашизмом. Борьба с пьянством 1985—1987 годов при всей своей непродуманности и непоследовательности притормозила стремительную алкоголизацию страны.

Исторические катастрофы происходили, с другой стороны, не без помощи алкоголя. Яркий пример — Франция. Перед сокрушительным поражением, нанесенным ей Бисмарком в 1871 году, в этой стране алкопотребление резко шло в гору. Глубокий алкогольный кризис французский народ переживал также перед началом второй мировой войны.

В связи с этим уместно будет вспомнить концепцию Л. Н. Гумилева о пассионарности развития народов. Согласно ей, каждая нация переживает пассионарные периоды (взрыв творческой энергии) и спады. Причем с удивительной скрупулезностью им предшествуют или сопутствуют соответственно эпохи трезвости и пьянства.

КОРР.: Однако при всем при том еще раз подчеркнем, что алкопроблема во всех случаях является производным от социально-экономических кризисов. Она углубляет их по принципу обратной связи, но не порождает. Представляется правильной такая логическая цепь событий: экономическая стагнация — алкоголизация общества — и только затем следует генетическая стагнация. По-видимому, в настоящее время мы находимся на промежуточном этапе. Ибо перестройка показала и продолжает показывать, что творческий потенциал советского народа еще очень высок.

Итак, очевидно, что борьба с пьянством должна заключаться в чем-то, направленном на ликвидацию его социальных предпосылок. В чем же?

Б. И.: Я и мои сторонники ориентируемся на комплексный подход: придерживаемся принципа корреляции (взаимодействия) психологических, административных и экономических противоалкогольных мер.

Кроме этого, мы предлагаем ввести так называемую советскую десятину. Что это значит? Одна десятая часть валовой продукции будет поступать в местные бюджеты. А прибыли с продажи спиртного, которые в настоящее время наполовину остаются на местах, наоборот, должны полностью направляться в госбюджет.

По нашим расчетам, «советская десятина» превысит сумму, поступающую сейчас в местные бюджеты с алкоторговли. Таким образом, с ее помощью могут быть достигнуты сразу три цели. Во-первых, местные бюджеты избавятся от алкозависимости. Во-вторых, они укрепятся финансово. В-третьих, будет подорвана социальная база алкомафии, которая в результате спекуляций получает, по нашим оценкам, нетрудовых доходов до 10—20 процентов от государственной алковыручки. На рубеже 80-х годов это составляло от 5 до 11, а в 1988-м — от 3 до 7 миллиардов в год! Введение «советской десятины» сократит круг лиц, имеющих управленческое отношение к алкообороту, от общего числа в 18 миллионов до нескольких тысяч. И, следовательно, существенно снизит потери от воровства и спекуляций в сфере алкопроизводства.

Лично я за то, чтобы при этом сокращать и его. Но при условии, что дефицитных товаров должно быть продано по меньшей мере на такую же сумму, на какую уменьшится реализация спиртного.

КОРР.: Иначе говоря, активно воздействовать на этот процесс. Но не исключительно административно-волевыми, а пропагандистскими и экономическими методами на научной основе.

Беседу вел Алексей НИКОЛАЕВ